

В.С. Блос

Французская революция

**Исторический обзор событий и общественного
состояния во Франции с 1789 по 1804 г.**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.С. Блос**
Французская революция: Исторический обзор событий и общественного состояния во Франции с 1789 по 1804 г. / В.С. Блос – М.: Книга по Требованию, 2021. – 438 с.

ISBN 978-5-518-05940-5

ISBN 978-5-518-05940-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зовался ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Государственные доходы должны были дать ему средства для того, чтобы сдѣлать его дворъ самымъ блестящимъ и роскошнымъ въ Европѣ; его продолжительныя войны, стоившія громадныхъ денегъ, совершенно истощили страну, не доставивъ ей ни малѣйшихъ выгодъ. Въ его царствованіе началось то господство женщинъ при дворѣ, которое лишило Францію всякаго уваженія за-границей и причинило ей невыразимыя бѣдствія. Можно сказать, что Франція болѣе пятидесяти лѣтъ управлялась по прихотямъ куртизанокъ, и направленіе политики мѣнялось, смотря по тому, предавались ли эти куртизанки ханжеству, или разврату. Двадцатипятимилліонное населеніе должно было гнуть шею въ угоду разнымъ Мэntenонъ, Помпадуръ, Дюбарри, которыя могли свергать правительства, если только имъ не нравились поклоны первыхъ министровъ. Послѣ Людовика XIV наступило распутное регентство герцога Орлеанскаго, при которомъ управленіе превратилось въ биржевую спекуляцію и, вслѣдствіе мошенническихъ финансовыхъ операцій пресловутаго Ло, привело къ полному банкротству государства. Въ царствованіе Людовика XV безнравственность двора дошла до крайнихъ предѣловъ, и государственные доходы расточались на разныхъ фаворитовъ и куртизанокъ самымъ безумнымъ образомъ. Мы не станемъ описывать знаменитаго серала, такъ называемаго, „парка оленей“, который устроила для короля его отцвѣтшая любовница, Помпадуръ, чтобы сохранить его расположеніе. Самаго глубокаго нравственнаго паденія правленіе Людовика XV достигло тогда, когда въ послѣдніе годы царствованія этого короля имъ овладѣла развратная Дюбарри и до самой смерти его оказывала большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Интересно было бы сосчитать суммы, въ которыя обошлись Франціи королевскія содержанки въ царствованіе этихъ двухъ Людовиковъ: онѣ громадны до невѣроятности.

Между тѣмъ все велись неудачныя войны; народныя тяготы и налоги возвышались, и масса народа впадала все въ большую нищету. Государственная колесница уже увязла въ столь глубокой трясины, что вывести ее на торную дорогу могла лишь желѣзная рука такого правительства, которое бы располагало необыкновенными талантами и необыкновенной просвѣщенностью. Но послѣ развратнаго Людовика XV на престолъ вступилъ добродѣтельный, но очень ограниченный и слабый Людовикъ XVI, будто нарочно брошенный ироніей всемірной исторіи въ бурю революціи лишь для того, чтобы она смела его.

Уже передъ смертью Людовика XV были люди, предвидѣвшіе близкій и неизбѣжный взрывъ и предупреждавшіе привилегированныхъ, что они пируютъ на вулканѣ. Но кто же сталъ бы обращать на нихъ вниманіе? Привилегированными сословіями были дворянство и духовенство. По ихъ взглядамъ, выработаннымъ у нихъ исторіей, третье сословіе, обнимавшее собою все—отъ горожанина и рабочаго

до крестьянина и крепостного, имѣло лишь одно назначеніе: доставлять средства на содержаніе привилегированныхъ сословій. Юридически среди государственныхъ чиновъ третьимъ сословіемъ считались лишь тѣ горожане, которые вели самостоятельныя дѣла и, слѣдовательно, были независимы отъ феодальныхъ господъ; но терминологія революціи именемъ третьяго сословія обозначала всѣ, указанные нами, элементы.

Посмотримъ ближе, каковы были эти три сословія Франціи.

Еще до Карла Великаго церкви, т.-е. *духовенству* принадлежала уже цѣлая треть всей земли во Франціи. Это послужило почвой, на которой сила, богатство и вліяніе церкви, а также и численность духовенства разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Организация церкви, точно сѣтъ изъ мелкихъ петель, покрыла и опутала Францію.

Полагаютъ, что передъ революціей духовенство владѣло во Франціи пятой частью всей земли, которая приносила ему до ста милліоновъ дохода. Десятина давала до 23 милліоновъ. Во Франціи было 2800 прелатовъ и генеральныхъ викаріевъ, 5600 канониковъ и 60000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ. Въ монастыряхъ жило 24000 монаховъ и 36000 монахинь. Эта огромная организація, точно паутина, раскинулась по всей странѣ; третье сословіе—горожане и крестьяне—должны были содержать ее посредствомъ уплаты разнообразныхъ поборовъ. При этомъ духовенство было свободно отъ налоговъ; оно пріобрѣло «историческое право» подвергать себя самообложенію только во времена особенныхъ бѣдствій и, такимъ образомъ, давало государству, въ видѣ подарка, такъ называемый, добровольный налогъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, никогда не превышалъ 16 милліоновъ.

Среди духовенства, какъ всегда, процвѣтали богословскіе споры и преслѣдованія «еретическихъ мнѣній». Но значительное число сановниковъ церкви представляли собой такое явленіе, которое стояло въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ ученіемъ христіанства. Иные князья церкви на доходы, получавшіеся ими отъ государства, церкви и народа, вели крайне роскошную и распутную жизнь. Зараженные нѣсколько радикальной философійей восемнадцатаго вѣка, они смѣялись надъ церковью, папой, религіей, глупостью вѣрующихъ и иногда даже играли въ атеизмъ. О приближающейся революціи они говорили, какъ объ интересномъ приключеніи. Они съ большимъ удовольствіемъ читали сатиры на религію, духовенство и церковь, хотя и дѣлали все, зависѣвшее отъ нихъ, для преслѣдованія вольнодумныхъ писателей. Они раздѣляли старое мнѣніе, встрѣчающееся всегда у защитниковъ привилегій, что религія хороша и необходима для бѣдняковъ, которымъ приходится ожидать награды на небѣ за всѣ

земныя бѣдствія; но для человѣка образованнаго и просвѣщеннаго она лишь внѣшняя форма, а церковь лишь общественное учрежденіе.

Отвращеніе къ этимъ своевольнымъ сановникамъ церкви и ихъ лицемѣрью, сказавшееся скоро во всей силѣ, поддерживалось духовнымъ пролетаріатомъ. Низшій клиръ не имѣлъ части въ огромныхъ доходахъ церкви. Доходъ приходскихъ священниковъ колебался между 500 и 2000 франковъ, изъ которыхъ они еще должны были вносить часто до 100 франковъ для такъ называемаго добровольнаго дара церкви государству. Этотъ духовный пролетаріатъ склонился къ новымъ идеямъ вѣка, и его печальное положеніе объясняетъ, отчего столь многихъ членовъ низшаго духовенства мы находимъ на сторонѣ революціи.

Церковь, какъ всегда, имѣла много благотворительныхъ учреждений, оказывавшихъ поддержку бѣднымъ. Такія учрежденія называли достояніемъ бѣдныхъ. Это названіе причинило много зла во время революціи: лицемѣрное духовенство распространило его на все имущество церкви и, когда вполсѣдствіи церковныя имѣнія были конфискованы, подняло крикъ, что этимъ отнимаютъ у бѣдныхъ ихъ достояніе. Многіе легковѣрные бѣдняки повѣрили духовенству, и вслѣдствіе этого погибъ не одинъ революціонеръ.

Французское *дворянство* было передъ революціей очень многочисленно, но точныхъ свѣдѣній о его числѣ не имѣется. Дворянъ и духовныхъ вмѣстѣ насчитывали 270,000 душъ, причемъ надо имѣть въ виду, что обѣ эти категоріи часто переходятъ одна въ другую, такъ какъ всѣ высшія, вліятельныя и доходныя мѣста въ церкви король обыкновенно раздавалъ, въ видѣ пожалованій, дворянамъ. По одному исчисленію, которое кажется намъ вѣрнымъ, число дворянъ передъ самымъ взрывомъ революціи доходило до 140,000 душъ, составлявшихъ около 30,000 семействъ.

Послѣ того, какъ сила дворянства была надломлена въ войнахъ фронды, этотъ классъ опускался все ниже и ниже и сталъ, наконецъ, лишь смѣшной карриатурой грубаго, но сильнаго рыцарства былыхъ временъ. Уже большой рѣдкостью стали гордые феодалы стараго времени, которые хотя и строго охраняли привиллегіи своей касты, но все же стояли на высотѣ образованія своего времени и были въ патріархальныхъ отношеніяхъ со своими подчиненными. Помѣстное дворянство обѣднѣло и огрубѣло; особенно многочисленно было, такъ называемое, захолустное дворянство. Захолустные дворяне, исполненные самаго глупаго высокомерія, лишены всякаго образованія, относились съ величайшей ненавистью къ бюрократамъ, которыхъ они называли «писарями». Среди дворянства того времени различаютъ дворянство придворное, — должностное, засѣдавшее въ парламентахъ. —

и помѣстное. Все дворянство пользовалось почти полной свободой отъ податей, такъ какъ способомъ веденія своего хозяйства оно ухитрялось освободиться и отъ поземельныхъ налоговъ.

Этотъ классъ считалъ для себя позоромъ заниматься какимъ бы то ни было промысломъ. Дворяне или получали средства къ жизни со своихъ владѣній и изъ поборовъ, взимавшихся съ подвластныхъ имъ крестьянъ, или служили офицерами въ войскѣ. Патенты на офицерскіе чины были почти исключительно въ рукахъ дворянъ, и Людовикъ XVI даже издалъ предписанія, которыя еще больше затрудняли покупку офицерскихъ патентовъ лицами недворянскаго происхожденія.

Придворное дворянство, вполне зависѣвшее отъ милостей короля, было, можетъ быть, самымъ высокопороднымъ изъ всѣхъ приверженцевъ стараго строя; тѣмъ не менѣе оно состояло большею частью изъ людей жалкихъ, фривольныхъ и легкомысленныхъ, лишенныхъ всякой совѣсти и пониманія современныхъ общественныхъ отношеній. Фривольность этого дворянства часто принимаютъ за остроуміе, а его привычку къ придворному этикету—за утонченность. Во время революціи скавался его истинный характеръ.

Просвѣщенная и образованная часть дворянства дала рядъ выдающихся людей, бывшихъ передовыми борцами въ различныя фазы революціи: Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барреръ и самъ Робеспьеръ вышли изъ рядовъ дворянства. Но въ качествѣ класса или сословія, дворянство, по необходимости, было врагомъ тѣхъ нововведеній, которыя явились въ первой стадіи революціи.

Чѣмъ болѣе бѣднѣло дворянство, тѣмъ большія тяготы взымало оно на подвластныхъ ему крестьянъ въ видѣ оброка и повинностей. Если дворяне съ оскорбительнымъ презрѣніемъ смотрѣли на горожанина, не жившаго на счетъ другихъ, зарабатывающаго средства къ существованію собственнымъ трудомъ, то въ крестьянахъ и крѣпостныхъ они видѣли скорѣе рабочій скотъ, чѣмъ людей. Своеволіе дворянъ особенно разыгрывалось во время охотъ: крестьянство столько же терпѣло отъ охотниковъ, какъ и отъ дичи, за которой они охотились.

Привилегіи рожденія имѣли тогда рѣшающее значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. И уничтоживъ эти привилегіи, революція дала иное направленіе всему ходу дѣлъ.

Но еще до революціи талантливый Бомарше въ своей комедіи осмѣялъ привилегіи дворянства. „Кто вы?“, говорится въ „Свадьбѣ Фигаро“ по адресу дворянства:—„вы дали себѣ лишь трудъ родиться!“ Истасканное дворянство, сидѣвшее въ ложахъ, смѣялось до упаду: оно и не предчувствовало, что Бомарше этой остроотой возвѣстилъ ему близкую гибель.

Оба эти сословія, дворянство и духовенство, владѣли двумя третями французской земли и платили лишь самые ничтожные налоги. Горожанинъ и крестьянинъ, владѣвшіе остальной третью, должны были не только нести страшныя тяготы, налагаемыя на нихъ государствомъ, но и давать средства на содержаніе обоихъ привилегированныхъ сословій.

Этотъ фактъ объясняетъ собою всю французскую революцію.

Сословіе горожанъ, насколько оно признавалось въ качествѣ *третьяго сословія*, состояло изъ самостоятельныхъ французскихъ подданныхъ, не находившихся на чьей-либо службѣ и независимо занимавшихся какимъ-либо промысломъ. Третье сословіе было безконечно многочисленнѣе обоихъ привилегированныхъ, но въ собраніи государственныхъ чиновъ—генеральныхъ штатовъ— оно было представлено въ такой же степени, какъ они. Государственныя тяготы очень угнетали его, и эти тяготы были неравномѣрно распределены между провинціями.

Высокомѣріе дворянства и гнетъ государственнаго строя, разумѣется, сильнѣе всего чувствовала состоятельная буржуазія. Поэтому противодѣйствіе правительству, какъ и всегда, явилось сперва въ имущихъ буржуазныхъ классахъ. Различіе между интересами имущихъ и неимущихъ сказалось лишь позже: въ началѣ, при самомъ взрывѣ революціи все единодушно ратовало за свободу, которая для всѣхъ была одинаково желанной. Что буржуазный государственный строй, увѣковѣчивающій классовыя различія, имѣетъ далеко не одинаковое значеніе для имущихъ и неимущихъ, это лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ великаго переворота выяснилось со всей очевидностью.

Состоятельная и образованная буржуазія могла скоро выставить рядъ энергичныхъ борцовъ, которые устно и письменно смѣло выступили противъ деспотизма. Въ этихъ кругахъ поддерживали все, что явно или тайно было направлено противъ двора, дворянства и духовенства. Блестящая и радикальная философія XVIII вѣка пустила глубокіе корни въ средѣ этой буржуазіи; масса читателей увлекалась ученіями Вольтера, Руссо, Дидро и даже Гольбаха. Буржуазія въ собственномъ смыслѣ этого слова, крупная буржуазія, не имѣвшая тогда почти никакихъ политическихъ правъ, еще не опредѣлилась, какъ особый классъ. Но въ кругахъ имущественной и образованной буржуазіи уже выработались тѣ элементы, которые должны были взять въ свои руки управленіе новообразующимся государствомъ. Эта буржуазія дала новой Франціи ея государственныхъ людей, полководцевъ, юристовъ, ея бюрократію.

Буржуазія большихъ французскихъ городовъ была въ давнія времена очень сильна, такъ какъ городское управленіе имѣло тогд

большою частью демократическое коммунальное устройство. Въ XV столѣтїи оно было введено вездѣ, гдѣ только это было возможно. Города держали себя, какъ самостоятельныя республики; они долго боролись съ королями и защищали отъ нихъ свою самостоятельность. Но у нихъ не было достаточно единодушїя для того, чтобы они могли устоять противъ монархической власти централизованнаго государства. Религіозныя смуты XVI и XVII вѣковъ дали королямъ столь желанный для нихъ случай сломить силу городовъ. Къ концу XVII вѣка абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ.

Косная масса мѣщанства гнулась подъ гнетомъ этого строя и безропотно несла бремя, которое онъ взвалилъ на нее. Но когда это бремя стало слишкомъ невыносимымъ, она заволновалась и, послѣ взрыва революціи, была увлечена общимъ потокомъ.

Въ 1789 г. въ Парижѣ было 44 цеха. Извѣстная реформаторская попытка Тюрго, о которой мы будемъ говорить ниже, уничтожила ихъ, но вскорѣ они безъ всякаго труда были снова восстановлены. Организациа ихъ къ этому времени уже совершенно окостенѣла, и они находились подъ сильнымъ вліяніемъ полиціи. Казалось, что ихъ восстановили единственно затѣмъ, чтобы они платили промысловые налоги. Для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, надо было имѣть не менѣе двадцати лѣтъ и состоять въ ученїи не менѣе четырехъ лѣтъ. Образцовая работа для полученїя званїя мастера была отмѣнена; сыновья мастеровъ при принятїи въ цехъ пользовались привилегїями.

Въ Парижѣ цеховыя собранїя составлялись только изъ тѣхъ членовъ цеха, которые платили высшую сумму налоговъ, въ остальныхъ же городахъ изъ всѣхъ. Полиція всячески ограничивала эти собранїя, заботясь, чтобы въ нихъ не проникла революціонная крамола. Цехи имѣли депутатовъ, надсмотрщиковъ, синдиковъ и адъюнктовъ, которые вмѣстѣ съ очень вліятельной полиціей составляли муниципальныя учрежденїя. Купеческая гильдія также имѣла надсмотрщиковъ и адъюнктовъ. Синдики, надсмотрщики и адъюнкты посѣщали, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ всѣхъ мастеровъ, наблюдая за соблюденїемъ ими цеховыхъ правилъ и содержанїемъ подмастерьевъ, учениковъ и служащихъ. О всякомъ нарушенїи правилъ они доводили до свѣдѣнїя собранїя депутатовъ, которое вызывало провинившихся и, въ случаѣ повторенїя проступка, отдавало ихъ подъ судъ.

Профессїи были раздѣлены на свободныя и несвободныя. Для занятїя свободными профессїями необходимо было только заявить объ этомъ городскому лейтенанту. Къ свободнымъ относились профессїи: жестяниковъ, щеточниковъ, чесальщиковъ шерсти, цвѣточницъ, женщинъ-парикмахеровъ, веревочниковъ, старьевщиковъ, реме-

сленниковъ, приготовлявшихъ плети, коробки, четки, пробки, рогожи; торговокъ льномъ, садовниковъ, торговцевъ пряниками, танцмейстеровъ, торговцевъ птицами, содержателей бань, подметальщиковъ и ткачей льняныхъ матерій. Но и свободныя профессіи подвергались вѣшательству и притѣсненіямъ со стороны полиціи.

Ремесленникъ, сжатый въ полицейскихъ тискахъ, долженъ былъ чувствовать себя тѣмъ тягостнѣе, заботливая опека надъ нимъ полиціи должна была казаться ему тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ больше онъ помнилъ о своихъ предкахъ, пережившихъ періодъ расцвѣта гражданской гордости и славы въ свободныхъ коммунахъ среднихъ вѣковъ.

Промышленность также не могла свободно развиваться во Франціи. Кольберъ, этотъ идеаль всѣхъ сторонниковъ покровительственной системы, надѣявшійся достигнуть всего посредствомъ „регламентовъ“, пытался добиться расцвѣта промышленности приказаніями свыше. Онъ видѣлъ, что его дѣло потерпѣло крушеніе еще при его жизни. Безпрестанныя войны запутали Францію въ страшные долги—уже въ 1714 г. они достигли 3500 милліоновъ—и дѣлали невозможнымъ всякое развитіе промышленности. Гдѣ же еще оставалась хоть какая-нибудь возможность этого развитія, правительство, мертвящее все живое, уничтожало ее. Спекуляція бумажными деньгами во времена Ло убила всѣ экономическія и финансовыя предпріятія. Преемники Кольбера старались еще превзойти въ регламентаціи свой первообразъ. Особенно деспотически распоряжались съ бумажнымъ и прядильнымъ производствами, такъ что объ эти отрасли промышленности не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ и потребностямъ того времени. Въ 1734 г. было запрещено купцамъ выпускать рекламы, „потому что они не должны употреблять никакихъ искусственныхъ средствъ для завлеченія покупателей“. Особые „регламенты“ опредѣляли длину продольныхъ и поперечныхъ нитокъ и ихъ число въ тканяхъ, длину и ширину тканей, устройство ткацкихъ станковъ. Если ткань была длиннѣе, чѣмъ это полагалось по регламенту, королевскій надсмотрщикъ отрѣзывалъ излишекъ и отдавалъ его бѣднымъ; за несоблюденіе регламентовъ сожигалась масса тканей. За проступки подобнаго рода фабрикантъ даже могъ быть выставленъ у позорнаго столба. Посредствомъ такихъ бессмысленныхъ предписаній надѣялись держать качество товаровъ на извѣстной высотѣ, но они не достигали своей цѣли. Всѣ точно устроили заговоръ противъ властей, точно сговорились нарушать регламенты. Съ 1776 г. промышленность стала быстро развиваться, но и теперь, тяготѣвшій надъ нею, существовалъ еще долго.

Такимъ образомъ, промышленность тоже имѣла всѣ основанія оказывать противодѣйствіе гнету стараго строя. Но она еще долго не могла подняться, стать вполнѣ на свои ноги.

Заработная плата фабричных рабочих во Франціи передъ революціей равнялась въ среднемъ 26 су для мужчинъ и 15 су для женщинъ (20 су = 1 фр. = 25 к. золотомъ). Одинъ изъ комитетовъ, образованныхъ учредительнымъ собраніемъ, опредѣлялъ заработную плату въ 50 сантимовъ въ день. Положеніе фабричныхъ рабочихъ было очень плачевно, и мы уже рано находимъ среди нихъ движенія съ цѣлью добиться для рабочихъ лучшихъ условій жизни и труда. Центральнымъ пунктомъ этихъ движеній былъ Ліонъ и состояніе ліонской промышленности можетъ дать намъ надлежащее представленіе о положеніи фабричныхъ рабочихъ во Франціи XVIII вѣка.

Въ XV столѣтіи въ Ліонѣ была введена обработка шелка. Уже въ 1536 г. производствомъ шелковыхъ тканей здѣсь было занято 12.000 рабочихъ. По одному регламенту изъ временъ Кольбера ліонское шелковое производство выработало три класса, составлявшихъ одну общую организацію. Высшимъ классомъ были капиталисты, предприниматели и торговцы. Всѣ они были очень богаты. Второй классъ составляли мастера; ихъ было въ десять разъ больше, чѣмъ торговцевъ; они работали дома на своихъ станкахъ за свой счетъ или за счетъ капиталистовъ. Третій классъ, классъ подмастерьевъ, работалъ за наемную плату; своей численностью онъ въ десять разъ превышалъ классъ капиталистовъ. Сверхъ того, производствомъ шелковыхъ тканей была занята еще громадная масса рабочихъ въ 40,000 душъ, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не принадлежавшихъ къ организаціи и жившихъ въ страшной нищетѣ подъ гнетомъ ничѣмъ несдерживаемой эксплуатаціи. Всѣ возникавшіе споры рѣшались шестью надсмотрщиками; два изъ нихъ первоначально назначались городскими властями, а четыре избирались изъ прежнихъ надсмотрщиковъ и тридцати мастеровъ, указанныхъ мэромъ, который тогда назывался еще консуломъ. Въ царствованіе Людовика XVI было постановлено, что мелкія фабрики, т.-е. мастера, должны избирать только двухъ, крупныя же фабрики, т.-е. капиталисты и предприниматели, — четырехъ надсмотрщиковъ. Затѣмъ, въ 1731 г. послѣдовалъ декретъ государственнаго совѣта, по которому мастера, работавшіе за счетъ торговцевъ, могли имѣть у себя на дому только четыре станка: рабочимъ же, непосредственно отъ себя продававшимъ продукты своего труда, было запрещено имѣть болѣе двухъ станковъ, держать подмастерьевъ или принимать учениковъ. Въ шелковой промышленности тогда уже насчитывалось 50,000 чел. съ 90 торговцами, 800 мастеровъ и 8,000 подмастерьевъ. Декретъ 1731 г. передалъ всю организацію въ руки торговцевъ.

Правда, въ томъ же 1731 г. этотъ пагубный декретъ былъ отмѣненъ, но съ 1741 по 1744 г. издавались новыя предписанія въ пользу торговцевъ и во вредъ мастерамъ, подмастерьямъ и рабочимъ. Мастера говорили, что они, несмотря на непрерывную и напряжен-

ную работу, должны были дѣлать ежегодно по 250 франковъ долга. Плата рабочихъ, бывшая и раньше очень ничтожной, понизилась до минимума. Въ 1744 г. дѣло дошло до массоваго прекращенія работы подмастерьями и мастерами: это была *первая крупная стачка* во Франціи. Рабочіе, не принадлежавшіе къ организаціи, поддержали ее. Стачечники требовали повышенія платы на 1 су за локоть, уравненія правъ всѣхъ классовъ организаціи при выборѣ надсмотрщиковъ, отмѣны обязательной платы въ 300 франковъ при полученіи званія мастера и предоставленія подмастерьямъ и мастерамъ свободы работать на другихъ или за свой счетъ. Почти во всѣхъ остальныхъ производствахъ Ліона работа тоже была приостановлена, и первый промышленный городъ государства въ теченіе восьми дней находился во власти пролетаріата, тщательно воздерживавшагося отъ всякихъ излишествъ и насилій. Требования рабочихъ были очень скромны, и консулъ удовлетворилъ ихъ. Но въ февралѣ 1745 г. снова были восстановлены прежніе порядки. Торговцы снова получили преобладаніе; вѣроятно, они подкупили министровъ. Тогда въ Ліонѣ возникли волненія, и правительство послало туда значительную военную силу. Нѣсколько рабочихъ было убито, иные отправлены на галеры. Войско было расквартировано у жителей города. Такимъ образомъ, на требованія рабочихъ правительство отвѣтило порохомъ и свинцомъ.

До 1786 г. рабочіе шелковой промышленности жили подъ страшнымъ гнетомъ. Въ этомъ же году они снова приостановили работу. Они требовали прибавки платы въ два су на локоть. Рабочіе, вооруженные палками, толпами расхаживали по городу; городъ и испуганное консульство удовлетворили ихъ требованія. Затѣмъ, явилось войско; всѣ уступки рабочимъ были отмѣнены, и три ремесленника были «для спасительнаго примѣра» повѣшены за то, что они не уплатили мостового сбора. Тарифъ заработной платы былъ уничтоженъ, и опредѣленіе ея было предоставлено свободному соглашенію,— что, понятно, означало пониженіе платы. Въ 1788 г. сборъ шелка былъ очень плохой, и вслѣдствіе этого 5,400 станковъ остались безъ работы: 40,000 рабочихъ лишились хлѣба. Бѣдствія рабочихъ во время этого кризиса не поддаются описанію. Городу Ліону было предоставлено сдѣлать заемъ въ 300,000 франковъ для рабочихъ. Но этимъ нельзя было устранить лишенія, еще больше увеличившіяся вслѣдствіе всеобщей дороговизны и суровой зимы. Многіе рабочіе шелковой промышленности эмигрировали, многіе кончили жизнь самоубійствомъ; остальные же работали по 18 часовъ въ день, чтобы хоть какъ нибудь поддержать свое существованіе.

Уже въ 1789 г. крупная промышленность сократила число мастеровъ; крупныя фабрики имѣли 14,700 станковъ и насчитывали 58,000 рабочихъ. Изъ этихъ послѣднихъ только 3400 принадлежали къ организаціи и могли принять участіе въ выборѣ депутатовъ въ со-

браніе генеральныхъ штатовъ 1789 г., такъ какъ право на это имѣли лишь подмастерья, принадлежавшіе къ организаціи.

Филантропическій институтъ отпустилъ для рабочихъ еще 300,000 франковъ; торговцы отвѣтили на это новымъ пониженіемъ ихъ нищенской платы.

Такимъ образомъ, въ Лионѣ рано разыгралось рабочее движеніе, и пролетаріатъ отдѣлился отъ чисто-буржуазныхъ партій. Это отразилось и на выборахъ въ генеральные штаты. Въ Парижѣ, какъ мы дальше увидимъ, рабочіе тоже выступили въ защиту своихъ классовыхъ интересовъ и тоже потерпѣли пораженіе.

Среди ремесленныхъ рабочихъ во Франціи еще въ средніе вѣка образовались союзы подмастерьевъ, извѣстные подъ именемъ компаньоннажа (*le compagnonnage*).

Эти союзы показываютъ, какъ рано началось отдѣленіе рабочаго пролетаріата отъ мастеровъ и капиталистовъ; съ ними выступаетъ уже своего рода раздѣленіе труда и капитала. Они существовали вплоть до второй имперіи и лишь въ послѣдствіи уступили мѣсто инымъ организаціямъ. Союзы эти были религіознаго происхожденія и вначалѣ имѣли религіозный характеръ; въ послѣдствіи они прониклись матеріальными интересами. Они имѣли демократическое устройство и много различныхъ обрядовъ, бывшихъ, повидимому, простымъ подражаніемъ религіознымъ церемоніямъ. Это были замкнутыя организаціи подмастерьевъ противъ мастеровъ; во время своего расцвѣта они много работали въ пользу ремесленнаго пролетаріата. Они организовали массу стачекъ, и поэтому не было недостатка въ доносахъ на нихъ передъ государственной властью. Кольберъ хотѣлъ подчинить регламентамъ и образъ жизни рабочихъ, но компаньоннажъ, имѣвшій развѣтвленія по всей Франціи, держалъ себя очень самостоятельно. Послѣ руанской стачки 1679 г., когда ткачи, вслѣдствіе приглашенія постороннихъ рабочихъ, въ числѣ 3000 человекъ прекратили работу на цѣлый мѣсяць, полиція обратила вниманіе на союзы подмастерьевъ. Правда они стали избѣгать гласности, и уничтожить ихъ было невозможно, но теперь были приняты противъ нихъ строгія мѣры. Братства и союзы подмастерьевъ были запрещены; подмастерьямъ запрещено было носить оружіе и палки. Былъ установленъ оффиціальныи срокъ для отказа отъ работы у мастера. Въ 1771 г. было постановлено что мясникъ-подмастерье долженъ пробыть у своего мастера не менѣе года; были введены также свидѣтельства, а въ 1781 г. и рабочія книжки—мѣропріятіе, чрезвычайно стѣснительное и ненавистное. Между самими союзами подмастерьевъ возникало много раздоровъ, которые часто приводили къ кровавымъ побоищамъ. Въ 1730 г. близъ Арля, въ 1743 г. въ Нантѣ такія побоища приняли широкіе размѣры. Въ Парижѣ, гдѣ подобныя столкновенія происходили безпре-